

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Белова Н.М. Пушкин и его великие предшественники / Отв. ред. Л.Г. Горбунова, В.В. Биткинова. – Саратов: Научная книга, 2008. – 128 с. – ISBN 978-5-9758-0887-5

В монографии предлагается новый взгляд на проблему «Пушкин и его литературные предшественники». Ставится задача не просто рассмотреть произведения предшественников с точки зрения их значения для формирования и развития творчества гениального поэта, но и показать, как в творчестве Пушкина обогащаются традиции его литературных учителей (К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, Дж. Байрона, Г.Р. Державина, В. Скотта), раскрываются нереализованные или недостаточно реализованные идейно-художественные возможности. Обретя совершенное художественное оформление в творчестве Пушкина, они, в свою очередь, получают дальнейшее развитие в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, становятся предметом рефлексии различных направлений критики XIX – начала XX в.

Для студентов-филологов, преподавателей гуманитарных вузов, лицеев и всех, интересующихся историей русской литературы и её связи с литературой других стран.

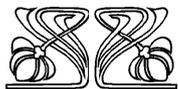
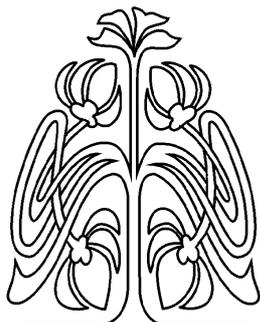
В.В. Биткинова

Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с. – ISBN 978-5-903601-03-5

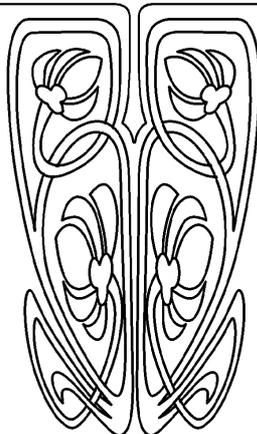
Книга В.И. Карасика затрагивает ряд актуальных вопросов лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и теории дискурса. Исследование носит в значительной мере обобщающий, интегративный характер как в решении ряда теоретических проблем (в частности, проблемы типологии концептов), так и в плане методологии лингвокультурологического анализа. Такой подход свидетельствует, по-видимому, о новом этапе в развитии лингвокультурологии, отличающемся переходом от накопления информации к формированию новых концепций, стремлением к интеграции уже существующих теоретических разработок в рамках новой теории. Богатое и разностороннее содержание книги В.И. Карасика не может быть с достаточной полнотой охарактеризовано в рамках одной рецензии, и мы не ставим перед собой такой задачи. В данной рецензии мы обратим внимание лишь на те аспекты обсуждаемых автором научных проблем, которые кажутся нам наиболее интересными.

1. Одна из актуальных теоретических проблем, обсуждаемых в книге, – это проблема типологизации концептов, неизбежно связанная и с вопросом о сущности концепта. Как и в предшествующих своих работах, автор исходит из понимания концепта как многомерного ментального образования, включающего образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны (с. 27).

Как справедливо отмечает автор, построение исчерпывающей и непротиворечивой классификации концептов, понимаемых как переживаемые типизируемые фрагменты опыта, является невыполнимой задачей. Действительно, основываясь на содержательном критерии при построении такой классификации, исследователь неизбежно будет сталкиваться с нелогичностью и противоречивостью обиходного сознания, с размытостью смыслов и неодинаковой степенью детализации в языковом отражении разных сторон бытия (с. 27). Автор указывает и другой существенной фактор, препятствующий созданию строгой классификации на основе содержания фиксируемых

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

концептами фрагментов опыта, – принципиально динамический характер концептов (с. 27).

Предлагаемая В.И. Карасиком типология концептов отчасти также строится по содержательному принципу. Все концепты противопоставляются как параметрические, выступающие в качестве классифицирующих категорий (время, пространство, качество и др.), и непараметрические, имеющие предметное содержание. Вместе с тем в дальнейшем наполнении этих двух больших классов концептов учитываются другие типологические критерии: «В дополнение к существующим классификациям концептов, построенным на основании психологических и лингвистических критериев, предлагается логический, аксиологический, социологический и диалектологический (трансляционный) признаки для классификации концептов» (с. 221). Признавая взаимодополняющий характер существующих типологий концептов (учитывающих когнитивно-психологическую или дискурсивную природу концептов, их динамику или индивидуальное/групповое/национальное варьирование, тематику и проч.), автор демонстрирует возможность интеграции различных типологий, включения их в некую объединяющую различные критерии и параметры систему. Так, среди непараметрических концептов выделяются регулятивные и нерегулятивные. В этом делении принимается во внимание содержательная структура соответствующих ментальных образований: регулятивные концепты, такие, как «счастье», «долг», «пошлость» и др., отличаются тем, что в их структуре главное место занимает ценностный компонент (включающий ценности и нормы поведения); примеры нерегулятивных концептов – «путешествие», «подарок», «здоровье». Именно регулятивные концепты наиболее национально-специфичны по своей природе, так как они «в концентрированном виде содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры» (с. 35).

Типологическое деление концептов в зависимости от круга их «носителей» исследователь связывает прежде всего с классом регулятивных концептов, выделяя универсальные (например, «добро», «красота»), этноспецифические («душа», «судьба», «тоска»), социоспецифические («интеллигентность», «dignity») и индивидуальные (обнаруживаются, главным образом, в философских и художественных текстах) концепты-регулятивы (с. 36).

В.И. Карасик предлагает еще один критерий типологизации концептов, а именно критерий транслируемости, т.е. возможности передачи концепта от одного человека к другому и от одной культуры к другой в процессе общения. Наиболее активно транслируются «архетипические» концепты, отражающие систему априорных, неосознаваемых поведенческих и ценностных установок; их «априорность», по-видимому, и определяет высокую степень их транслируемости (с. 37). Такие концепты обычно закрыты для модификации и не допускают критического восприя-

тия. Как показывает автор, архетипическими концептами предстают, например, концепты «сделка с дьяволом» и «вражеский заговор», бытующие как аксиоматические в обыденном сознании, активно транслируемые на протяжении веков в различные сферы общения и различные формы искусства, что демонстрируют многочисленные литературные и кинопроизведения, актуализирующие эту тему (с. 163–178).

По остаточному принципу в предложенной в книге типологии выделяются нерегулятивные концепты, включающие различные предметные и абстрактные концепты, не являющиеся регулятивами. Именно с нерегулятивными концептами автор связывает и одну из наиболее популярных типологий, основанную на когнитивно-психологическом критерии и включающую такие типы концептов, как картинки, схемы, сценарии и др.

Дополняя указанную типологию, В.И. Карасик, наряду с указанными разновидностями концептов, выделяет «лингвокультурный типаж», определяемый как «обобщенный образ представителя некой социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» (с. 37). В книге подробно рассматриваются лингвокультурные типы «русский интеллигент», «русский купец», «русский чиновник», «американский супермен», «английский чудак».

Выделение «лингвокультурного типажа» органично продолжает концепцию автора книги, определяющего концепты как многомерные ментальные образования, включающие понятийный, образный и ценностный компоненты. Эти составляющие присущи и лингвокультурным типажам, содержащим представления о некоем типичном поведении (понятийный компонент), типичном внешнем облике (например, типичный интеллигент – мужчина средних лет в очках, официальном костюме с галстуком) и оценке данного типа поведения.

В ценностной составляющей лингвокультурного типажа фокусируются установки соответствующей лингвокультуры, т.е. оценка того или иного типа поведения зависит от его соответствия ценностным приоритетам данного социума. Так, говоря о различии в восприятии чудаков в русской и английской лингвокультурах, автор отмечает: «Высокая степень состязательности в обществе требует признать право каждого на свою линию поведения, поэтому к чудакам англичане относятся положительно. Низкая степень состязательности ограничивает право индивидуума отличаться от других, поэтому и отношение к чудакам в русской культуре весьма критично» (с. 323).

Воплощая в себе важнейшие для определенной лингвокультуры положительные качества, типаж может становиться модельной личностью, как это происходит с «американским суперменом». Интересно, что в результате процессов глобализации супермен становится модельной

личностью и для других лингвокультур, в той или иной степени заимствующих американские ценности.

Выделение такой разновидности концептов, как «лингвокультурный типаж», на наш взгляд, отвечает на вопрос о том, в каких случаях представление о людях (характеризуемых по своим личностным качествам, социальному статусу и проч.) может становиться лингвокультурным концептом.

Показателем лингвокультурной значимости того или иного типажа можно, по-видимому, считать и устойчивость его понятийного (по крайней мере отчасти) и ценностного компонентов. Так, в случае с типажом «русский купец», несмотря на деактуализацию образного компонента, отошедшего в область истории, понятийная и ценностная составляющие (типизация определенного поведения и его оценка носителями культуры) продолжают быть релевантными для русской лингвокультуры, наследуясь в значительной степени современным типажом «бизнесмен».

2. Значимым с точки зрения теории концептов и принципов их типологизации представляется подход автора книги к концепту как к принципиально динамическому образованию. Изменения в концептуальном содержании рассматриваются автором в двух аспектах: соотношение между индивидуальным и коллективным пониманием и между исходным и развивающимся содержанием (с. 178). Варьирование концептуального содержания в диапазоне между индивидуальным и коллективным пониманием интерпретируется автором через противопоставление, с одной стороны, коллективного содержательного минимума, обычно присутствующее в обиходном общении, и, с другой стороны, двух типов индивидуального наполнения концепта – синкретического и дифференцированного. «Синкретическая концептуализация, – пишет В.И. Карасик, – свойственна ребенку, когда тот или иной фрагмент действительности характеризуется максимальной широтой и гибкостью ассоциаций, дифференцированная концептуализация свойственна представителю интеллектуальной элиты, обладающему способностью и умением артикулированно выражать понимание множества оттенков смысла» (с. 179).

Эволюция и инволюция концепта (т.е. смысловое расширение или сжатие) связывается с изменениями в общественном сознании – со степенью важности концептуализируемой области для языкового коллектива. Эволюция и инволюция свойственны как конкретным, так и абстрактным концептам. Так, в современном обществе происходит активная «экспансия» концептов, связанных с функционированием компьютеров и виртуальной сетью. Примером может служить метафорический перенос процедуры перезагрузки компьютера на различные другие ситуации, в том числе такие, в

которых (в реальной действительности) невозможно возвращение на исходные позиции. Инволюция абстрактных концептов происходит в том, случае, когда они оказываются известными лишь узкому кругу специалистов или же их содержание в массовом сознании становится слишком неопределенным и расплывчатым. По мнению автора, к таким концептам в современной американской лингвокультуре относится концепт «демократия», превратившийся в «недифференцированное оценочное образование, содержанием которого является положительная оценка американского образа жизни (демократия – это свобода, равные права, защита граждан государством и т.д.)» (с. 183). Одним из уходящих концептов в русской лингвокультуре признается, например, концепт «кротость»; по отношению к данному типу поведения современные носители языка чаще используют слово «забитый» (с. 187). Эволюция концептов может происходить в форме замещения одного – уходящего – концепта другим, в большей степени соответствующим актуальной для данной лингвокультуры системе ценностей.

Интересно, что изменение части понятийного компонента в составе концепта сопровождается сменой имени концепта, так же как и изменение ценностного компонента в приведенном выше примере с концептом «кротость». Это можно считать косвенным аргументом в пользу точки зрения так называемых «вербалистов» – исследователей, утверждающих обязательность языкового выражения для существования концепта.

Важной, на наш взгляд, представляется мысль о связи между типологическими характеристиками концепта и его трансформационным потенциалом и спецификой динамики его содержания. Так, на с. 222 автор пишет: «Лингвокультурные концепты подвержены эволюции и инволюции, при этом предметные, абстрактные и регулятивные концепты трансформируются в соответствии со свойственным каждой группе типом изменения понятийного, образного и оценочного компонентов».

3. Интегративный характер носит и методика описания концептуального содержания, последовательно используемая автором при анализе различных концептов.

В соответствии с наиболее признанным в современной концептологии комплексным подходом для описания содержания концепта в рецензируемой книге применяются различные виды источников и исследовательских процедур. Это и семантический анализ значений слов, воплощающих концепты, и анализ контекстов, включающих такие слова, и этимологический анализ, и анализ ассоциативных реакций и сочинений информантов, и традиционный анализ устойчивых высказываний, выражающих определенные концепты (поговорки, афоризмы, цитаты). Однако наибольший интерес представляет, на наш взгляд, резюмирующая часть описания, которая

объединяет, интегрирует разнообразную информацию, полученную при анализе различных источников, и позволяет автору сформулировать ценностно-ориентированную характеристику концепта, указывающую не просто набор признаков, но роль и место данного концепта в изучаемой лингвокультуре. К сожалению, интегрирующее итоговое описание не всегда присутствует в концептологических исследованиях, результатом которых может становиться перечисление концептуальных признаков без их обобщающей интерпретации; в иных случаях такое описание слишком размыто, недостаточно эксплицировано. Вместе с тем целостное компактное описание концепта кажется очень важным в связи с культурологической направленностью концептуальных исследований; сама возможность подобного описания свидетельствует о наличии целостного базового представления (ментального образования), составляющего культурно значимую единицу («сгусток культуры») в сознании человека.

4. Большой интерес с точки зрения методологии и определения перспектив лингвоконцептологических исследований вызывает выполненный в книге обзор существующих «концептуариев культуры» – словарей, описывающих концепты, составляющие специфику определенной лингвокультуры, а также обзор ряда исследований, в которых моделирование концепта осуществляется путем выделения трех основных компонентов в составе концепта (понятийного, образно-перцептивного и ценностного) и сопоставления общих и специфических признаков концептов в разных лингвокультурах (с. 188–219).

Обобщая опыт лингвоконцептологических исследований, выполненных в разных городах нашей страны, автор формулирует следующие основные тенденции развития лингвистической концептологии: «рассматриваются концепты не только в коллективном, но и в индивидуальном языковом сознании; исследуются группы концептов – диады и тематические поля; описывается динамика развития концептов в диахроническом аспекте; анализируются концепты, ограниченные рамками определенного дискурса; выявляется специфика содержания концептов в сознании представителей определенных социальных групп общества...» (с. 220). Этот перечень показывает основные направления варьирования концептуального содержания и свидетельствует о том, что в целом в современной лингвистике концепт понимается как принципиально вариативное образование.

Книга В.И. Карасика – важный и необходимый этап в развитии лингвоконцептологии, лингвокультурологии и теории дискурса, труд, в котором предложено ценное теоретическое и методологическое осмысление многообразного материала, накопленного этими относительно новыми интенсивно развивающимися отраслями лингвистики. Нет сомнений, что «Языковые ключи» помогут

лингвистам в поисках новых ключей, открывающих путь к решению проблем взаимодействия языка, сознания, культуры.

Н.В. Крючкова

Проблемы канадоведения в российских исследованиях: сборник научных трудов / Отв. ред. В.Т. Клоков. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2008. Вып. 2. – 202 с. – ISBN 978-5-91272-519-7

В начале 2008 г. в Саратове и Нижнем Новгороде состоялись научно-практические семинары по проблемам экономики, внешней и внутренней политики, лингвистики, литературоведения и журналистики.

Цель семинаров заключалась в том, чтобы представить российское видение Канады и основные направления научных интересов отечественных специалистов в области канадоведения, а также рассмотреть возможности междисциплинарных проектов и исследований. К участию в семинарах приглашались российские специалисты, изучающие разные аспекты истории и современной жизни Канады: историки, политологи, экономисты, культурологи, социологи, литературоведы, лингвисты, специалисты по международному праву и массовой коммуникации.

Саратовский семинар «Квебек в системе Канадской Федерации» состоялся 31 января – 2 февраля 2008 г. в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского; нижегородский семинар «Узнавая Канаду: канадская история, политика, экономика и культура в российских исследованиях» был проведен 2–3 апреля 2008 г. в Нижегородском коммерческом институте.

В обоих семинарах участники признавались, что им удалось расширить свои знания, выйти за границы узкой специализации и лучше понять проблемы Канады. По их мнению, дискуссии были полезными, а организация междисциплинарных научных встреч, объединяющая специалистов из разных областей знания, обогатила всех. Семинары были организованы профессорами и преподавателями принимавших вузов, а также Российским обществом изучения Канады при участии Института США и Канады Российской академии наук и Посольства Канады в РФ.

Организаторы сочли возможным объединить материалы двух поволжских семинаров в единый сборник и издать его в Саратове, тем более что тематически обе научно-практические встречи удачно дополняют друг друга. Тем не менее саратовский семинар более ориентировался на обсуждение вопросов взаимодействия языков и культур, а нижегородский – на представление проблем экономики, внешней и внутренней политики Канады.

В.Т. Клоков